

25. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия. Предисловие «Киргегард и Достоевский». М.: Прогресс-Гнозис, 1992
26. Шестов Л. Соч.: в 2-х т. Т. 2. На весах Иова. М.: Наука, 1993.
27. Штейнберг А.З. Философские сочинения. СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2011.
28. Heidegger. GA 1.
29. Интервью священника Георгия Кочеткова. К 130-летней годовщине кончины Достоевского. Сайт. URL: <http://gazetakifa.ru/content/view/3872>.

В.А. Сулимов

**Концепция современного литературного текста:
теория интеллекта, антропология культуры, когнитивистика**

УДК 008-80

В статье рассматриваются лингвосемиотические особенности функционирования современных литературных текстов как текстов культуры. Указывается на роль когнитивных механизмов перехода «смысл – текст» (когнитивных стратегий, когнитивных трансформаций, метафор и концептов), демонстрируются способы формирования индивидуальной картины мира.

Ключевые слова: литературный текст, интеллект, смещение, код, презентация смыслов, интерпретатор, лингвосемиотические конфигурации.

V.A. Sulimov

The concept of a modern literary text: theory of intelligence, cultural anthropology, cognitive science

The article deals with literary texts as cultural texts. Points to the role of cognitive mechanisms of transition «the meaning – the text» (cognitive strategies, cognitive transformations, metaphors and concepts), shows how to generate individual pictures of the world. The author examines a number of configurations.

Keywords: literary text, intelligence, offset, code, presentation of meanings, the interpreter, semiotic configuration.

По всей видимости, развитие гуманитарных наук о сознании человека в самом непосредственном будущем должно привести к созданию и обоснованию теории сознания как междисциплинарной области, включающей в себя три сопряженных аспекта: науку о естественном интеллекте (или интеллектологию), науку о человеческом начале любой современной культуры (или антропологию культуры) и науку о социально-

философской роли знания (или когнитивистику). Важным представляется и то, что все эти аспекты могут (и должны) иметь общий предметный базис – тексты культуры или, точнее, текстовое пространство современной культуры, очерченное (а) пределами осмысления, (б) коммуникативными возможностями или возможностями передачи и хранения информации, (в) включенностью в текстовое пространство основного интеллектуального субъекта – *человека-в-культуре*. Следует отметить, что все указанные параметры текстового пространства являются (в условиях быстрого увеличения информационной основы современной культуры) параметрами переходными, эксплицирующими переходность в качестве ее главного признака. При этом именно *интеллектуальная составляющая* текстового пространства демонстрирует наибольшую динамику, связанную с переносом функциональных акцентов интеллектуальности с логико-символических дискретных (выделяемых, расчленяемых и противопоставляемых) на креативно-ассоциативные, не дискретные или континуально-символические, процессные, творческие свойства сознания, использующего для повышения своей информационно-ориентированной эффективности (согласно Дж. Гилфорду) психологические механизмы дивергенции и преобразования (трансформации). Такой перенос обладает не только культурологическим, но и важным педагогическим смыслом, фактически возвращая исследователей к проблеме содержания образования. Гилфорд отмечает: «... на основе понимания того, что наиболее заметным образом творческие способности, по-видимому, концентрируются в категориях дивергентного мышления и в некоторой степени в категории преобразований, мы можем поставить вопрос о том, используются ли в настоящее время соответствующие возможности для развития этих способностей» [1, с. 74].

Содержательная сторона интеллектуализации современного пространства культуры, приводящая нас к мысли о *континуально-символической революции* в деятельности индивидуального сознания, должна сопровождаться конструктивно-модельными изменениями, раскрывающими переходность переживаемой эпохи. Речь идет не только о формах переходности (включая сюда типы и виды интеллектуальных и художественных практик), а о существовании переходности, о состоянии самого переходного типа сознания. И здесь можно говорить, прежде всего, о новой виртуализации этого сознания, выступающего в виде генератора новых смыслов под воздействием гиперболизации двух его главных функциональных возможностей: *смещения и сгущения*. Эти возможности, потенциально присутствующие в сознании любого индивидуума, связаны между собой в особую порождающую когнитивно-символическую систему, служащую катализатором смыслообразования за счет непрерывного семантического

сдвига понятий. К. Метц пишет: «Для сгущения всегда требуются смещения (по крайней мере, два), и не как вспомогательные приложения или возможные варианты, а для образования сгущения как такового, для самого его существования: сгущение предполагает, что одно представление устанавливается в месте слияния нескольких других, и поэтому необходимо, чтобы все они были «смещены» в направлении этого представления» [4, с. 303]. Примененная Кристианом Метцем к анализу текстового пространства кино, эта формула прекрасно ложится на общую гипервиртуальную природу современного индивидуального сознания. По всей видимости, эту формулу можно рассматривать и в отношении интеллектуальной деятельности учащихся.

И в культурологическом, и в педагогическом отношении важно понять, какие информационные источники могут быть выдвинуты в качестве базовых для актуализации интеллектуальной деятельности современных учащихся. Эти источники должны дать учащимся возможность овладеть новыми – инсайтными, симультанными, понимающими – интеллектуальными практиками. Одним из наиболее «подходящих» кандидатов на роль интеллектуального *текста-провайдера*, обеспечивающего включение индивидуального сознания в общее гипертекстовое интеллектуальное пространство современной культуры, является, по нашему мнению, литературный текст¹.

Современный русский литературный текст (хотя это, конечно, свойство не только русского, но и европейского текста), обладая всеми свойствами текстов культуры, может быть рассмотрен (если придать этому рассмотрению очевидный культурно-антропологический акцент) как система моделирования *интеллектуального субъекта* человеческой формы бытия. Эта особая моделирующая система, которая отнесена Ю.М. Лотманом к вторичной (в отличие от языка – первичной моделирующей системы), является своеобразным когнитивным устройством, порождающим новое знание. Мераб Мамардашвили указывает на него как на важный компонент человеческого бытия – второе «К» – посткантианское (или, скорее, памятуя о классическом неокантианстве – пост-посткантианское) начало современного мира. Его сущностью является *проектирование реальности*,

¹ Особенно странным это представляется тому, кто уверовал в непогрешимость «современных педагогических технологий», базирующихся на представлениях о знании как наборе некоторых (избранных «специалистами») элементарных сведений и «правильных» высказываниях о них, хорошо проверяемых тестовым способом. Эта вера столь же губительна для образования, как и миф о разделении человеческой популяции на «физиков» и «лириков», «левополушарных» и «правополушарных», а также понимание естественного интеллекта как примитивного по существу «решающего устройства».

построение эвристических моделей, уходящих своими корнями в прошлое, но «произрастающих» из будущего, метафорическим воплощением которого являются не только «рваные» и логически противоречивые нарративы текстов культуры постмодерна, но и «раздерганный», квантированный и разнонаправленный нарратив повседневности. Речь может фактически идти о самостоятельном бытии виртуальных объектов, однажды подвергшихся процедуре моделирования под воздействием элементов неопределенного пока будущего и обретших самостоятельное бытие в виде текстов современной культуры, в т. ч. – литературных текстов. Эта феноменология моделирования реальности «из будущего» была последовательно описана М. Мамардашвили: «В устройстве мира, включающего в себя и жизнь человека, необходимо постулированы и *действуют* особые гипотетические, «интеллигибельные» (умопостигаемые) объекты (измерения), являющиеся в то же время непосредственно, опытно констатируемыми, хотя и далее неразложимыми *образами* целостностей, как бы замыслами и проектами развития. Они несут в себе некоторый первично свершившийся синтетический факт и служат «вещными метафорами» обозримости всего целого, его стиля, тона существования, являются как бы особой устойчивой материей внутренней формы сознания («внутреннего знания») и ориентированности живых существ в системе» [3, с. 321]. «Первичный синтетизм» нового ментального суперкода, лежащий в эпистемологическом основании моделируемой текстом реальности, хорошо объясняется идеей сопоставленной (расходящейся, со-направленной, вероятностной) логико-когнитивной операции, выраженной Ж. Дерридой в слабо переводимом понятии «*differance*». Объясняя текстоцентрический характер феномена «*differance*» и его эпистемологическую текстовую зависимость, Ж. Деррида отмечает: «...*differance* отсылает к движению (активному или пассивному), которое заключается в оттяжке, через отсрочку, переадресование, пролонгацию, отставку, обход, промедление, откладывание в запас. В этом смысле *differance* не имеет какого-то предшествующего ему исходного и неделимого единства присутствующей возможности, которую я откладывал бы про запас... То, чем оттягивается присутствие, есть наоборот, то, исходя из чего присутствие объявлено или желанно в своем представителе, своем знаке, своем следе» [2, с. 16–17].

Проецируя представление о «вещных метафорах» и их «разнесении» (*differance*) в процессе текстовой деятельности (порождении/восприятии текста) на сам процесс текстопорождения, мы получаем систему особых относительно устойчивых ментальных образований различного уровня, позволяющих участникам текстовой деятельности (автору и читателю) производить сложные интерпретационные процедуры. Ментальные образования, выявляющиеся на пересечении (прошлого и будущего) времен

литературного текста и виртуальной реальности, внутренней противоречивости и трансцендентной соотнесенности «незавершенного» человека, по сути – смысловые образования в их языковой репрезентации, мы называем *лингвосемиотическими конфигурациями*.

Лингвосемиотические конфигурации, относящиеся исследователями то к лингвистическим, то к философским, то к собственно культурологическим объектам, представляют собой когнитивную основу моделирования литературного текста как единственного известного способа интеллектуального бытия человека. В текстах современной литературной прозы (неважно: научной или художественной) лингвосемиотические конфигурации проявляют себя в виде особых континуальных знаков (не-дискретных или продолжающихся за пределами текста – в других родственных текстах), являющиеся единицами и (одновременно) когнитивными маркерами и языкового/культурного кода, и литературного текста – результата соединения индивидуального смысла и социального кода культуры.

Видимо, можно утверждать о необходимости постулирования нового направления в культурологии – *культурологической лингвосемиотики текста*. Это направление, на наш взгляд, должно изучать быстро изменяющийся мир интерпретаций текстов культуры и, одновременно (в парадигме гуманитарного знания) изучать результаты уже выполненных субъектами текстовой деятельности интерпретаций. При этом соединение понятий «интерпретация текста» и «структура текста» в одном определении является для лингвосемиотики текста показательным: здесь делается попытка «продавить» барьер, разъединяющий философское и позитивное знание, не впадая при этом ни в беспредметное дискутирование, ни в инструментальный позитивизм, свойственный *прямолинейно понятому* естественнонаучному знанию. Очевидно, что поиск «объективных критериев», когда речь идет о языковом сознании индивидуума, как и поиск путей «обеспредмечивания» дискурса равно ложны. Анализ *текста-в-культуре*, или=текста культуры действительно требует особого метода, который мы назвали *культуролингвистическим* (в отличие от лингвокультурологического) и который сочетает черты лингвистического, культурно-антропологического и собственно когнитивного анализа или – точнее – экспертного прочтения текстов с точки зрения моделируемого наблюдателя (наблюдателя с заранее заданными свойствами). Такой анализ в каждом отрезке своего применения (и = точке «отражения» сознанием) оказывается *субъективным*, однако в результате исследования, благодаря привлечению разнородных *точек наблюдения* (т.е. увеличению точек наблюдения для моделируемого наблюдателя) – культурологической, лингвистической, исторической, философской, повседневной и т.д. – суммарный или интегрированный результат исследований существенно *объективирует*

ся. Полученная относительная (не социологическая и не статистическая) объективность результатов исследования представляется нам достаточной в виду открытости исследовательской системы – возможности привлечения любой *дополнительной* точки наблюдения.

Такой прием в художественной форме хорошо использован культурологами – авторами литературных текстов – Ю. Кристевой, У. Эко и М. Павичем, создавшими эффект изменяющегося призматического видения.¹ В современных литературных текстах, воспринимаемых как тексты особой культуры – культуры постмодерна, мы находим интересное воплощение нескольких фундаментальных механизмов постмодернистского текстопорождения: дейктический аспект перехода «смысл – текст» обусловлен (в терминах Ж. Дерриды) действием механизма *различания* (differance), определяющего направление бесконечной дифференциации и отсылки не только в случае построения концепции, но и в случае построения литературного нарратива, приобретающего все более концептуализированные черты, а также механизма *копирования* (trace), конструирующего бесконечное миметическое содержание текста, основанное на эффекте повторения любого фрагмента (или = элемента) текста с существенно изменяющимся – модифицированным смыслом (в т. ч. – вторичным, исчезающим или разрушающимся) [6, с. 237]. Такой «миметический поворот» системы современных литературных текстов (как и иных текстов культуры) создает видимую фрагментарность моделируемой текстами картины мира, превращающейся в систему многократно повторяющихся понятий-концептов с частично совпадающими или налагающимися (а то и контактированными) областями значений. Для литературного текста это, например, новый тип наррации – словарный, представляющий собой «псевдоконцептуальный псевдословарь», описывающий не значения слов/понятий, а индивидуальное «видение» этих слов-понятий. «Увиденные», «представленные» (не явленные в интеллектуальном опыте) слова-понятия составляют нечеткое концептуальное пространство индивидуальной картины мира автора и предназначаются (в качестве ментальной основы) для воссоздания индивидуального словаря (картины мира) читателя. При этом текст такого словаря-нарратива вполне воплощает в себе постмодернистские черты отсылочности и копирования. Соединение фрагментарности, субъективности, отсылочности и перманентного повтора является, в частности, основным признаком текста авторского словаря Сер-

¹ Эффект призматического, а может быть даже – фасеточного видения предмета исследования создает сюжет романов У. Эко «Имя розы», М. Павича «Хазарский словарь», Ю. Кристевой «Смерть в Византии». Этот же эффект может применяться для создания своего рода «интеллектуальной западни», выстроенной в псевдоисторических романах М. Веллера, Б. Акунина и др.

гея Чупринина (Ср., например: «Автор от лат. au(s)tor – основатель, сочинитель. Началось с Михаила Бахтина. Это его идеи, подхваченные западным, а позднее и отечественным литературоведением XX века, создали представление, что проблема автора и авторства принадлежит к числу не только самых сложных, но и самых запутанных (может быть, даже в принципе не распутываемых) проблем гуманитарной мысли») [7, с. 24].

Указанный метод исследования можно локализовать только в пределах когнитивистики – интегрированной системы знаний и принципов, обращенных на раскрытие механизмов и пределов существования человеческого типа сознания. В изменяющемся мире, описываемом с позиции когнитивистики, любой текст культуры (в том числе – литературный) представляет собой уже не легко обнаруживаемую сознанием первичную когнитивную модель – *систему «репрезентаций действительности»* (как, например, в «классическом» литературоведении) или обоснованный знанием *выбор возможной интерпретации* текста-как-мира и мира-как-текста (как в работах по теории и семиотике текста Ю.М. Лотмана). Познавательная активность адресата любого литературного текста выражает себя, прежде всего, в сличении/сопоставлении текста с языковым пространством – континуумом, включающим в себя набор сложных когнитивных элементов: стратегий, трансформаций, континуальных текстообразующих единиц, существующих одновременно в сознании и языке, в структуре знания и структуре текста. Такое совмещение в исследовательском поле традиционно разомкнутых, или, иногда, – противопоставленных, областей знания позволяет выявить существенные черты изменяющегося мира смыслов, определить соотношение смыслов и семиотической основы литературного текста. Подвижное и неустойчивое единство СОЗНАНИЯ, ЯЗЫКА (КОДА) и ТЕКСТА оказывается еще одним вероятностным вариантом интерпретации семиотического треугольника, которое демонстрирует онтологические факторы образования знаковых систем (в т. ч. – языка) в пределах интеллектуальной истории человечества.

В этом условном треугольнике зависимостей «все обусловлено всем»: сознание – наличием кода и текста, текст – наличием сознания и кода, а код – существованием сознания и наличием текста. Представление о семиотическом единстве сознания и текста через посредство языка нашло свое отражение в лингвистическом понятии «целостность текста», под которым понимается система движения мысли по *выражению* смыслов или *выявлению* смыслов: «Вне зависимости от направления движения мысли когнитивного субъекта – от смысла (замысла) к форме или от формы к смыслу как проинтерпретированному замыслу – целостность текста неизменно определяется целостностью стоящего за текстом сознания. Оперир-

руя единицами поверхностной структуры, интерпретатор толкует их, исходя из целостности текстового смысла» [5, с. 143].

Когнитивно определяемая целостность вместе с тем не является пустой бесконечностью или не структурируемым полем перетекания смыслов из сознания в текст и из текста в сознание. Смысловое поле (семиотическое пространство) литературных текстов как текстов культуры особым образом структурировано из вероятностного списка ментально существующих лингвосемиотических конфигураций с неясно очерченными границами. К ним относятся лингвосемиотические конфигурации высшего порядка (сверхзнаковые): когнитивные стратегии и когнитивные трансформации, а также лингвосемиотические конфигурации континуально-знаковые, к которым относятся концепты, логоэпистемы, мотивы и образы, различающиеся между собой уровнем дискретности и способом передачи смыслов. Особое место в семиотическом пространстве литературных текстов занимает интеллектуальная составляющая – система личностных смыслов, имеющих собственно когнитивную и социокультурную природу. Именно личностные смыслы являются квинтэссенцией процедуры означивания – главной задачи человеческого способа бытия. Они создают тот индивидуальный ментальный мир, который при взаимодействии с текстами культуры и инициирует возможность бытия мира в знаках или семиозиса. Именно для осуществления семиозиса наибольшее значение имеет образование или, по-другому, обеспечение возможности для порождения индивидуумом (учащимся) вербализованных смыслов: «Квант содержания сознания превращается в мысль по мере того, как отдельные концепты этого содержания – личностные смыслы – упорядочиваются и вербализуются соответственно закономерностям используемой в акте речи языковой системы» [6, с.62]. Совершенно ясно при этом, что личностные смыслы как основа текстопорождения/текстовосприятия существуют не просто в виде суммы интериоризированных (или усвоенных, приобретенных) знаний, но в системе индивидуально ощущаемой, переживаемой культуры, вне которой личностное существование вообще представляется проблематичным.

Я думаю также, что вполне может быть предпринята попытка обобщить сказанное в пределах некоторого общего утверждения, объединяющего идею смысла (процесса) и функции (оболочки). Необходимо попытаться схематизировать процессы смысло- и текстообразования – некоторой последовательности ментальных действий. Необходимо, наконец, задать список лингвосемиотических конфигураций, разноуровневые комбинации которых создают семиотическое и когнитивное богатство текстов. Такой, существенно обновленный, список научных феноменов и фактов когнитивной реальности должен быть суммирован и адаптирован для нужд школы и вуза. Именно этот путь – путь обучения самостоятельной,

глубоко индивидуальной мыслительной и текстовой деятельности, а не бездумное увлечение поверхностными тестовыми контролями, своеобразным (и совершенно бесполезным) когнитивным ранжированием, следует избрать в ходе школьной модернизации. Причем, пока не поздно.

1. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Дж. Гилфорд. Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 62–95.
2. Деррида Ж. Позитивизм / пер. с фр. В.В. Библихина. М.: Академический Проект, 2007. С. 16–17.
3. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Человек в системе наук / Отв. ред. И.Т. Фролов М.: Наука, 1989.
4. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; научн. ред. А. Черноглазов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
6. Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
7. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М.: Время, 2007.
8. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.